острову Борнгольму, о чем упоминал Карамзин в своей повести.[2] Следуя оссианической традиции, Каменев переводит гекзаметры или вольные стихи Козегартена ритмической прозой, иногда со стихотворными вставками; ему нужен «фрагмент», с определенным соотношением сюжетной основы и растворяющей ее лирической медитации, — совершенно того же типа, что «Остров Борнгольм», «Лиодор» или «Сьерра-Морена». Вместе с тем он отнюдь не остается нечувствителен к сюжетной и даже фабульной стороне повествования. Избранные им легенды — своего рода рыцарские романы в миниатюре, по своей экспрессивности приближающиеся к мелодраме, с характерными коллизиями: страсть, приводящая к преступлению и насилию, красота, завоевываемая силой оружия. Их герои — не только рыцарь, но и разбойник-рыцарь; не только угнетенная невинная жертва, но и обуреваемая страстями «демоническая женщина». Все это — обычные черты немецкого «разбойничьего романа». Подобно Льюису, Каменев был писателем «немецкой» ориентации. Так же как Льюис, он испытал полосу увлечения Шиссом и Коцебу, но в отличие от автора «Монаха» лишь отчасти усвоил от них столь важные для готического романа элементы драматической и мелодраматической техники. Во всяком случае, из Коцебу он переводит моралистические повести с сентиментальным колоритом; лишь в «Гробнице на холме» (1802) ощущаются признаки мелодрамы в прозе. В большей мере они свойственны «Софье, или Сумасшедшей от любви», повести Шписса, переведенной Каменевым в 1801 г.

Нам неизвестно, знал ли он образцы немецкого Schauerroman, в частности «Petermännchen» Шписса с его сверхъестественными инфернальными сценами, с инцестом — со всем тем, что нашло затем отражение в «Монахе» Льюиса. Как бы то ни было, уже в октябре 1800 г., через год после выхода переводов из Козегартена, Каменев сообщает С. А. Москотильникову из Москвы, что накануне прочел «роман „Dusseldorf ou le Fratricide", переведенный с аглинского». «Приключения хотя и обыкновенны, но занимательны; а особливо театр происшествий. — Действие в Норвегии и в Вене. Зимние сцены, разваливающиеся замки, скелеты описаны довольно разительными красками. Штиль очень не дурен, и много новых фигурных оборотов».[3] Названная им книга — одно из многочисленных произведений Анны Марии Маккензи, сразу же по выходе в 1797 г. переведенное на французский язык. Роман этот — набор общих мест готической ли-

---

[2] См. подробнее: Шарыпкин Д. М. Скандинавская тема в русской романтической литературе. — В кн.: Ранние романтические веяния. (Из истории международных связей русской литературы). Л., 1972, с. 128 и сл.

[3] Бобров Е. А. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки, т. III. Казань, 1902, с. 136.